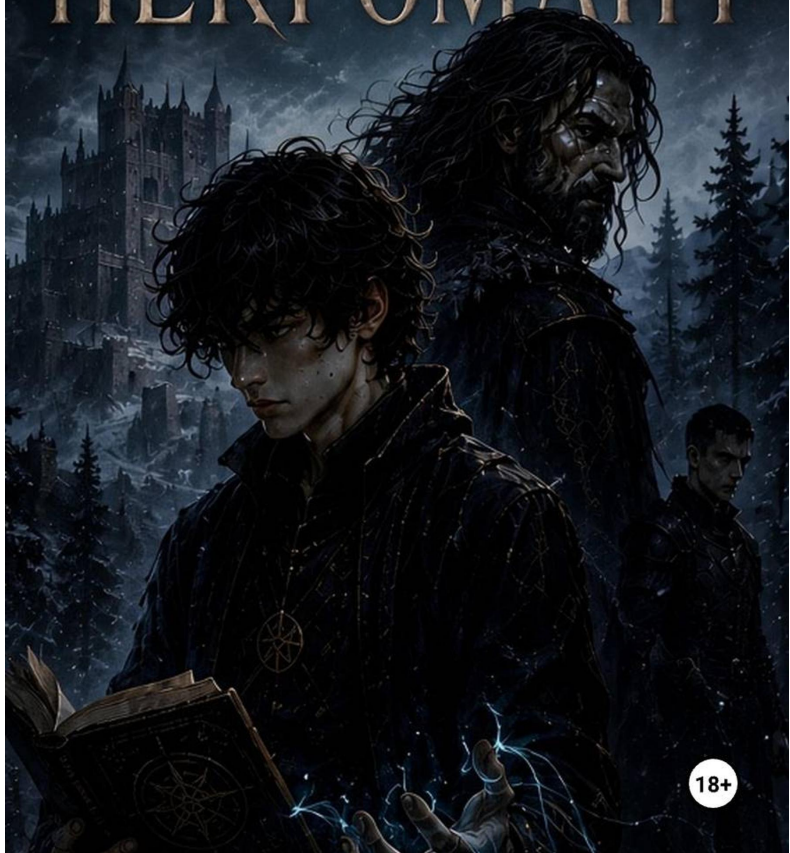

КНИГА ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЙ НЕКРОМАНТ

Сергей Панченков

Первый некромант

<https://litres.ru/74372217>

SelfPub; 2026

Аннотация

Люциан должен был умереть зимой. Отец оставил его в лесу — так было удобнее. Его поднял забытый бог. Не из милости. Из нужды.

Теперь он видит, где жизнь оборвали силой. Учится там, где знания запрещены. Возвращает тех, кого нельзя возвращать. Каждое открытие оставляет след.

Каждый оживший требует цены.

Война уже у стен. А он ещё не решил, кем станет: спасением — или тем, чего стоит бояться сильнее врага.

Тёмное фэнтези. Книга первая.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Сергей Панченков

Первый некромант

Глава 1

Последний снег

Боль. Страшная боль. Как же холодно. Я больше не чувствую пальцев. Они словно перестали принадлежать мне. Он сказал, что вернётся через несколько часов. Но так и не вернулся. Ноги больше не слушаются. Я ползу, цепляясь за мёрзлую землю окоченевшими руками. Впереди — тёмная трещина. Может, там теплее. А может — зверь. Уже всё равно. Лучше умереть, пытаюсь выжить, чем просто ждать смерти. Ещё немного... Рука соскальзывает. Пустота. Падение. Темнота. Последний выдох. ... Неужели это смерть?

— Проснись... Голос прозвучал будто из самой темноты.

— Вставай. Борись. Не сдавайся. Я... жив? Или уже мёртв? Может, это бред умирающего? Но одно я знал наверняка — я всё ещё мог думать.

— Кто ты?.. Откуда этот голос?..

— Иди ко мне. Я давно жду тебя. Вокруг была лишь непроглядная тьма. Каждое движение отзывалось болью, словно кости ломались снова и снова. Но я полз.

— Иди... Не бойся, мой мальчик. Меня тоже забыли. Ме-

ня тоже предали. Я помогу тебе. Родной отец бросил меня умирать. Почему какой-то незнакомый голос должен говорить правду? Но выбора не осталось. Сил почти не было. Оставались только воля и желание жить. Я полз на звук.

— Вот ты и пришёл... Голос прозвучал совсем рядом.

— Я ждала тебя. Или... кого-то очень похожего на тебя.

— Но я ничего не вижу...

— И не увидишь. Пока. Я вытянул руки вперёд. Под ладонями оказался холодный, гладкий камень.

— Это мой алтарь. Последнее, что осталось от забытого бога. Заберись на него... И тогда я смогу помочь. Алтарь. Лечь на алтарь неизвестного, забытого божества. Глупо. Страшно. Безумно. Но разве у меня был выбор? Рискнуть. Или умереть. Ответ был очевиден. Я пополз вперёд. Время перестало существовать. Казалось, прошла вечность, прежде чем я оказался наверху. Разум покидал меня. Один раз... потом второй... потом третий... Я каждый раз возвращался. А затем всё исчезло. Тьма. Тук... Тук... Тук... Как странно — просыпаться от стука собственного сердца. Я медленно открыл глаза. Первым делом коснулся лица. Пальцы... все на месте. Но я же помню. Помню, как они чернели от холода. Помню, как один за другим переставали слушаться. Помню странное чувство, будто ногти можно было срезать ножом — и боли уже не было.

— Ты проснулся... дитя моё. Я резко убрал ладони от лица. Передо мной возвышалась огромная каменная статуя.

Невероятно красивая. Я никогда в жизни не видел ничего подобного. Я осмотрелся. Каменный зал. Высокие своды. Плиты пола. Колонны. Стены... каждый камень был покрыт письменами и изображениями. Но откуда здесь свет? Я не видел ни факелов, ни окон. Лишь мягкое, ровное сияние заполняло весь зал. Мой взгляд снова остановился на письменах. Я... понимаю их. Нет. Этого не может быть. Я никогда не учился читать. Откуда я знаю этот язык?

— Не бойся. Здесь тебе ничто не угрожает. Но помощи не жди. Последний вдох, которым я вернула тебя к жизни, забрал остатки моих сил. Теперь всё зависит только от тебя.

— Читай. Изучай. Все знания, что сохранились в моём святилище, теперь принадлежат тебе. Я ещё буду рядом. Но ненадолго. Моих сил хватит лишь на несколько лунных циклов. Спрашивай... пока я ещё могу отвечать. Несколько дней я почти не говорил. Я читал. Смотрел. Изучал изображения на стенах. Сначала мне показалось, что это записи о жестокости. Но я ошибался. Это было искусство. Искусство касаться плоти не ради разрушения — а ради спасения жизни. Там были знания о травах. О лекарствах. О том, как управлять силой внутри живого тела. О том, как лечить раны, которые казались смертельными. Целительство... Это может принести деньги. Это может дать мне возможность выжить. И однажды... возможность отомстить. После смерти матери отец взял другую женщину. У неё было трое детей. А потом пришёл плохой год. Урожай погиб. Запасы закончились слиш-

ком быстро. Мы начали голодать. Отец сказал, что идёт в лес искать хоть что-нибудь съедобное. И взял меня с собой. Прочь от самокопания. Прочь от жалости к себе. Я выживу. А месть... месть подождёт.

— Дитя моё... Голос Макаш прервал мои мысли.

— Не храни в сердце чёрные мысли. Ты уже целитель. И станешь ещё сильнее. Твоя судьба — даровать жизнь, а не отнимать её. Я долго молчал.

— Хорошо, Мака. Я буду даровать жизнь.

— Вот и правильно. Пей воду из источника. Читай. Изучай. Прими свою судьбу. Не знаю, сколько времени прошло. Месяц? Год? Но я изменился. Я стал выше. Сильнее. Старая одежда едва закрывала тело. Я больше не был тем ребёнком, которого оставили умирать.

— Мака... Я произнёс её имя. Я нашёл его среди древних писем. И когда сказал вслух — её слабый шёпот вдруг стал живее.

— Спасибо, дитя моё... Эти слова дали мне новые силы.

— Я передам тебе всё искусство врачевания. Мне хватит сил. До самого забвения.

— Я не хочу, чтобы ты уходила. Ты всё, что у меня есть. Долгое молчание.

— Не печалься. Я умерла давно. То, что ты слышишь... лишь отголосок прошлого. Эхо. Оно ещё отражается в этом месте. Но скоро... скоро оно тоже исчезнет. Ещё один глоток... Источник почти высох. На дне оставалось совсем

немного воды. Но голода я уже давно не чувствовал. Я даже забыл, что когда-то боялся его. Прошло много времени. Дни сменялись днями. Я читал древние письма. Изучал изображения. Тренировался управлять внутренней энергией. И разговаривал с Макаш. Она рассказывала мне о временах, которых никто больше не помнил. О первых эпохах мира. О рождении земель. О древних титанах. О тварях, что ходили по земле до людей. О первых богах. О появлении силы. О том, как люди впервые к ней прикоснулись.

— Дитя моё... Её голос стал слабее. Тише.

— Моё эхо угасает. Я поднял голову.

— Макаш? Передо мной появилась её фигура. Едва заметная. Почти прозрачная.

— Источник... Она посмотрела на высохшую чашу воды.

— Источник — это моя кровь. Я почувствовал холод внутри.

— Мой мальчик... Пора.

— Нет...

— Слушай внимательно. Сделай так, как я учила тебя. Как хирург. Разбей мою статую. В моей груди ты найдёшь камень. Моё сердце. Разрежь свою грудную клетку. И вложи его в свою рану. Таков мой последний дар.

— Я не хочу уходить... Но мой долг должен быть выполнен. Меня забыли. Меня предали. Но я не забыла людей. Я не предала этот мир. Я дарю ему целителя. Такого, равного которому больше нет.

— Действуй. Я закрыл глаза. Передо мной была статуя той, кто стала моей семьёй. Но это был её последний приказ. Последняя воля древней богини.

— И после этого... Её голос стал совсем тихим.

— Не задерживайся. Мы под толщей земли. Она продержится ещё некоторое время. Но недолго. Не дай моему труду исчезнуть. Лечи людей. И научи других лечить. Это не просьба. Это приказ. Приказ древней богини, которая исполняла свой долг... до самого конца. Рука почти не слушалась. Я поднял камень. Слёзы текли сами. Удар. Ещё один.

— Спасибо, дитя моё... Её голос был спокойным.

— Сделай то, что должно быть сделано. Я упал на колени.

— Нет... Из груди вырвался не крик человека. Крик зверя. Я обнял её каменные ноги. Рыдал так, как никогда раньше.

— Не уходи... Но она лишь тихо сказала:

— Вставай. Ты справишься. Действуй. Я закрыл глаза. И ударил. Трещина. Ещё одна. Странно... Это был не твёрдый гранит. словно камень сам позволял мне выполнить её волю. Статуя рассыпалась. Крошка падала на холодный пол. А среди обломков появился свет. Яркий. Глубокий синий свет. Камень. Её сердце. Я схватил его и побежал. Страх. Боль. Каждый шаг был мучением. Казалось, моё тело разрывает изнутри. словно я убил не статую... а собственную мать. Я шёл туда, куда она указала. Камень освещал дорогу слабым синим сиянием. Проход закончился. Впереди была узкая щель.

Я опустил на колени. И пополз. Не знаю, сколько прошло времени. Часы? Дни? Вечность? Но наконец... впереди появился свет. Настоящий свет. А вместе с ним — свежий воздух. Я вдохнул. И понял... я уже забыл, каким он бывает. Я выбрался наружу. За стеной оказался холм. Но это был не просто холм. Это была могила. Древняя. Забытая. Я долго стоял и смотрел на неё. Смотрел на место, где осталось последнее от Макаш.

— Спасибо тебе... Голос дрогнул.

— Ты дала мне жизнь. Но я не смирюсь. Однажды я вернусь. И я исцелю тебя так же, как ты исцелила меня. Ты будешь жить. Я обещаю. Я пошёл вперёд. Лес... Когда-то я уже видел его. Очень давно. В другой жизни. Тогда мои руки были маленькими. Слабыми. Они цеплялись за снег, чтобы не умереть. Теперь они другие. Грязные. Измученные. Но сильные. Я шёл между деревьев. Воздух становился влажнее. Где-то рядом должна быть вода. Ручей... Я остановился. Я почти забыл этот звук. Звук живого мира.

Глава 2

След боли

Лес почти не изменился. Деревья стояли так же, как тогда, когда маленькие руки цеплялись за снег. Только теперь эти руки были другими — грязными, изрезанными, сильными. Я шёл медленно. Воздух становился влажнее. Где-то рядом должна была быть вода. Ручей. Я остановился. Долго слу-

шал. Этот звук казался почти чужим. Слишком живым после тишины святилища. Здесь почти ничего не изменилось. Лес жил своей жизнью. Деревья не замечали времени. Иногда попадались ягоды. Я сорвал одну. Осторожно. Вкус ударил сразу. Настоящий. Живой. Не вода из источника. Не сухие травы. Нечто, выросшее под солнцем. Я шёл дальше. Время будто осталось только у меня. Вдали появился дым. Сначала я принял его за туман. Потом понял — это пожар. Я ускорил шаг. Кричать начала женщина.

— Хватит! Остановитесь!

Запах дыма стал гуще. Горелое дерево. Горелая плоть. Старый жир. Когда я вышел на поляну, то остановился. В траве лежало тело. Мужчина. Простая одежда. Жизни в нём уже не было. Я подошёл ближе и опустился на корточки. Рана на горле. Чистый разрез сверху вниз. Не случайный удар. Клинок прошёл уверенно, почти без спешки. Человек даже не успел поднять руки. Рядом валялась дубинка. Бесполезная. Дальше — ещё тела. Простая одежда. Обычные люди. Не воины. Не солдаты. Жители. У некоторых в теле остались стрелы. Значит, убийцы ушли быстро и не возвращались за оружием. Они были уверены, что никто не выживет. Я быстро осмотрел раны. У одного — глубокий рубящий удар по плечу, разрубивший ключицу. Края раны ровные, почти хирургические. Хороший клинок. Сильный удар. У другого — несколько колотых ран в живот. Входили под углом. Человек сначала пытался закрыться, потом упал, и его добивали уже

на земле. У женщины у края поляны — разможенная голова. Удар тяжёлым предметом. Скорее всего той самой дубинкой, что лежала рядом. Кровь давно впиталась в землю, оставив тёмное пятно. Где-то ещё кричали. Я поднял голову. Я не воин. У меня нет меча. Нет брони. Если останусь здесь — стану ещё одним телом в траве. Нужно уйти. Вернуться в лес. Скрыться. Выжить. Я двигался дальше. Руки. Шаг. Руки. Шаг. Я поставил ступни на собственные ладони. Странно... но тело помнило. Направил внутреннюю силу через руки. И тогда мир изменился. Потоки жизни. Они были вокруг всегда. Теперь я видел их. Искажённые. Рваные. Там, где жизнь прервали насильно, оставался след. След боли. Я увидел их. Четверо воинов. Доспехи. Оружие. Они держали женщину. Я понял слишком хорошо. В груди поднялась ярость. Но вместе с ней пришла другая мысль. Четверо. Всего четверо. Они играючи уничтожили больше десятка мужчин. Теперь разбирают деревню. Мою деревню. Я снова посмотрел на тела. Среди них был мой отец. А женщина... моя мачеха. Странное чувство. Часть меня хотела сказать: «Так тебе и надо». Другая часть помнила слова Макаш. Лечи. Сохраняй жизнь. Я сжал кулаки. Они совершили ужасные вещи. Но они всё ещё люди. И я тоже должен решить — кем я являюсь. Женщина уже почти не сопротивлялась. Стояла на коленях, бессильно опустив голову. В её взгляде не осталось ни ненависти, ни надежды — только пустота человека, который перестал ждать спасения. Четверо солдат окружа-

ли её. Доспехи были испачканы сажей и кровью. На плащах ещё угадывались гербы. Я стоял между деревьями. Каждый удар сердца отдавался в висках. «Уходи», — говорил разум. Четверо обученных воинов. Я — мальчишка. Даже если сумею спасти одного человека, следующим погибну сам. Но ноги не слушались. Я видел её внутренним зрением. Потoki жизни угасали. Разрыв внутренних тканей. Кровь медленно заполняла брюшную полость. Дыхание становилось поверхностным. Сердце ещё боролось. Но недолго. Ещё немного — и лечить будет уже некого. Я глубоко вдохнул.

— Остановитесь.

Мой голос прозвучал неожиданно громко. Четверо мужчин одновременно повернулись. Самый высокий медленно усмехнулся.

— Смотрите... ребёнок.

Я подошёл ближе. Не прячась.

— Позвольте помочь ей.

Несколько мгновений никто не двигался. Потом воин, стоявший впереди, внимательно посмотрел мне в лицо. Слишком внимательно. Его усмешка исчезла. Он сделал шаг ближе.

— Подними голову.

Я поднял взгляд. Он долго всматривался в моё лицо. Потом тихо произнёс:

— Виктор...

Другой солдат нахмурился.

— Что?

— Видишь?

Тот тоже посмотрел. И медленно побледнел.

— Похож...

Ветеран усмехнулся. Но улыбка была холодной.

— Не просто похож. Точно таким же был один мальчишка много лет назад. Он уже считался мёртвым.

Мне было всё равно, о чём они говорят. Женщина умирала. Я опустился возле неё на колени. Кожа была холодной. Пульс слабел. Я направил внутрь остатки своей силы. Жизненные потоки дрогнули. Кровотечение немного замедлилось. Но этого было недостаточно. Нужно было снять внутреннее давление. Быстро. Иначе сердце не выдержит. Мой взгляд остановился на коротком ноже, закреплённом на голени ближайшего солдата. Я протянул руку. Ещё немного. Только дотянуться...

— Осторожно!

Крикнул кто-то. Но было поздно. Ветеран уже двигался. Он не стал выяснять, зачем я тянусь к оружию. Воин, переживший десятки походов, не ждёт объяснений. Короткий шаг. Резкий удар. Что-то тяжёлое врезалось мне в висок. Мир качнулся. Перед глазами вспыхнул белый свет. Я ещё успел увидеть, как моя рука почти коснулась рукояти ножа. Потом всё исчезло.

Глава 3

Дорога к камню

Сознание возвращалось медленно. Сначала были голоса. Далёкие, словно через толщу воды.

— ...жив?

— Дышит.

— Крепкий... Я не мог открыть глаза. Только слушал.

— Видел его лицо?

— Видел.

— Один в один. Наступила долгая пауза. Потом ветеран негромко усмехнулся.

— Судьба любит дурные шутки.

— О чём ты?

— Когда-то давно один мальчишка исчез зимой. Все решили, что он замёрз. Так было удобнее.

— Ты его знал?

— Нет. Но позже пришлось узнать. Кто-то подбросил в костёр ветку. Сухое дерево громко треснуло.

— После похода я решил разобраться, почему в деревне так быстро забыли о ребёнке. Слишком уж странно люди отводили глаза. Он говорил спокойно. Словно вспоминал обычный военный отчёт.

— Правда нашлась быстро. Нашёлся человек, который слишком много видел и слишком долго молчал. Когда страх оказался сильнее упрямства, он рассказал всё.

— И что оказалось?

— Отец отвёл мальчишку в зимний лес и оставил умирать.

Несколько человек молчали. Потом кто-то негромко выругался.

— Из-за бабы?

— Из-за голода. Из-за трусости. Какая теперь разница? Ветеран поднялся. Посмотрел в сторону деревни. Над крышами медленно поднимался густой дым.

— Мужики мертвы. Хозяйства больше нет. Один из молодых рекрутов неуверенно произнёс:

— Господин... может, оставшихся... Он не договорил. Ветеран повернулся. Взгляд был спокойным. Настолько спокойным, что юноша побледнел.

— Ты думаешь, я этого не понимаю? Молчание.

— Завтра сюда придут волки. Потом голод. Потом болезни. Остатки деревни всё равно исчезнут. Он говорил без злобы. Без удовольствия. Как человек, который уже давно привык принимать решения, после которых никто не благодарит.

— Запомни одно. Иногда война заканчивается раньше, чем люди понимают, что проиграли. Молодой солдат опустил голову. Ветеран уже не смотрел на деревню. Он подошёл к телеге. Развернул старую ткань. Внутри лежал синий камень. Несколько секунд он молча разглядывал его. Даже на его лице впервые появилась тень удивления.

— Любопытно...

— Что это?

— Не знаю. Он осторожно завернул камень обратно.

— Но такая вещь не могла оказаться у обычного мальчишки. Один из солдат кивнул на меня.

— А с ним что? Ветеран ещё раз посмотрел на моё неподвижное лицо.

— Он потратил последние силы не на себя. На чужого человека. Таких лекарей я ещё не встречал.

— Значит...

— Повезём в замок. Пусть сначала выживет. Потом решим, кому он будет служить. Солдаты молча начали собираться. Лишь молодой рекрут ещё долго смотрел назад. Туда, где над опустевшей деревней медленно растворялся дым. Он ничего не сказал. Но в тот день впервые понял, что иногда самые страшные люди не кричат. Они говорят тихо. Отряд медленно тронулся в путь. Телеги заскрипели, кони лениво потянулись по размытой дороге, и вскоре деревня скрылась за стеной старого леса. Никто не обернулся. Позади не осталось ни одного живого голоса. Лишь чёрный дым ещё долго поднимался над верхушками деревьев, отмечая место, где совсем недавно была чья-то жизнь. Несколько часов они ехали молча. Даже самые разговорчивые солдаты не находили слов. И только тяжёлый запах гари и горелой плоти ещё долго преследовал отряд, будто сама земля не желала отпускать тех, кто оставил после себя лишь пепел. К вечеру отряд остановился возле неглубокой реки. Высокие сосны плотной стеной окружали небольшую поляну. Между их стволами уже собирались сумерки, а над водой тонкими белыми полосами

стелился прохладный туман. Солдаты привычно разошлись по лагерю. Одни ставили палатки. Другие собирали валежник. Третьи разводили костёр. Всё происходило быстро. Без криков. Без лишних приказов. Каждый прекрасно знал своё дело. Лишь один человек, казалось, никогда не спешил. Он спокойно спрыгнул с коня. Так же спокойно снял тяжёлые кожаные перчатки. Положил ладонь на мощную шею чёрного жеребца.

— Ну что, Ворон... Конь тихо фыркнул и ткнулся мордой ему в плечо.

— Устал? Сегодня дорога была тяжёлой. Потерпи ещё немного. Сейчас приведём тебя в порядок. Он сам снял седло. Сам расстегнул ремни. Сам понёс тяжёлую сбрую к реке. Никто даже не сделал шага вперёд. Помочь не предложил никто. Все знали: к Ворону он не подпускал никого. У самой воды он неторопливо намочил ладони и начал смывать с густой чёрной шерсти дорожную пыль. Каждое движение было удивительно спокойным. Будто не было долгого перехода. Будто не было сожжённой деревни. Будто существовали только журчание реки, вечерний лес и старый боевой товарищ, терпеливо ожидавший, пока хозяин закончит работу. Он тщательно промыл гриву. Пальцами разобрал каждый спутанный локон. Достал деревянный гребень. Медленно, прядь за прядью, расчесал густую чёрную гриву. Ворон довольно прикрыл глаза.

— Вот так... Совсем другое дело. Теперь можно и по-

есть. Из небольшой полотняной сумки он достал овёс. Высыпал его в деревянное корыто. Конь сразу принялся есть. Он несколько мгновений молча наблюдал за ним. Потом едва заметно улыбнулся.

— Теперь хороший. В прошлый раз один молодой глупец решил подложить тебе в мешок камень. Думал, смешно. Ворон тихо фыркнул.

— Мне тоже не понравилось. Он ласково похлопал жеребца по шее.

— Теперь он уже никогда ничего тебе не подложит. За костром стало удивительно тихо. Молодой рекрут вопросительно посмотрел на старого солдата. Тот тяжело вздохнул.

— Без рук остался... Рекрут медленно кивнул. Но старик не закончил.

— И без ног. Лицо молодого солдата побледнело.

— Жив? Старик снова посмотрел в сторону реки.

— Жив. Господин сам отвёз его к замковому лекарю. Щедро заплатил. Приказал сделать всё, чтобы тот выжил.

— Но... зачем? Старый воин долго молчал. Потом ответил тихо:

— Потому что мёртвые выводов уже не делают. А живые... живые иногда учатся. Молодой рекрут нервно сглотнул.

— Это правда... что он... Старик резко поднял взгляд.

— Тише.

— Но он же далеко...

— Я сказал... тише. Молодой солдат замолчал. Прошла долгая минута. Только когда шум реки снова стал громче человеческих голосов, старик наклонился совсем близко. Так, чтобы слышал только собеседник. И почти беззвучно прошептал:

— Сын... Астарота... Слова растворились в вечернем воздухе. Молодой рекрут почему-то невольно оглянулся по сторонам. Будто сами деревья могли слышать это имя. А у реки человек спокойно продолжал заботиться о своём коне. Словно ничего не произошло.

Глава 4

Камень и стены

К замку они подошли только на следующий день. Дорога постепенно поднималась выше. Лес редел. Старые деревья уступали место каменистым склонам, а среди серых утёсов уже начали появляться первые признаки человеческого труда. Сначала — сторожевые башни. Высокие. Узкие. Стоящие на таких местах, где обычный человек даже не подумал бы строить. Потом стены. Не одна линия. И не две. Много. Одна за другой. Каждая следующая выше предыдущей. Каждая защищала следующую. Я долго смотрел на них. Это был не замок. Это был организм. Живой механизм из камня.

— Впечатляет? Солдат заметил мой взгляд. Я не ответил сразу. Разум уже начал работать. Считать. Анализировать. Толщина стен. Высота башен. Расположение бойниц. Рассто-

ание между укреплениями.

— Это не просто крепость. Солдат улыбнулся.

— А ты быстро понимаешь.

— Она построена не против людей. Он посмотрел на меня внимательнее.

— Почему ты так решил? Я указал на дальние стены.

— Если бы боялись только армии, не стали бы делать столько уровней защиты. Первые стены задерживают пехоту. Вторые уничтожают тех, кто прорвался. Третьи... Я замолчал. Потому что понял. Третьи стены были построены не для людей. Они были рассчитаны на существ, которые могли идти туда, куда обычный солдат не пройдет. Солдат кивнул.

— Именно. Он посмотрел в сторону гор.

— Многие думают, что замки строят из-за войн между королями. Это только половина правды. Войны заканчиваются. А некоторые вещи... остаются. Когда мы приблизились, я увидел следы старых сражений. Камень был темнее в некоторых местах. Где-то стены были заменены. Где-то новые блоки отличались от старых. Замок не был непобедимым. Он был пережившим. Каждый ремонт был следом чьей-то победы. Или чьей-то смерти.

— Почему здесь нет пушек? Вопрос вырвался сам. Солдат посмотрел на меня.

— Ты знаешь о них?

— Немного. Он усмехнулся.

— Они существуют. Просто не стали тем оружием, кото-

рым должны были стать. Мы подошли ближе. Он продолжил:

— Первые мастера думали, что порох изменит всё. Большие орудия. Каменные ядра. Разрушение стен. Некоторые короли уже начали менять свои армии. Но они забыли одну вещь.

— Магов?

— Да. Солдат посмотрел на высокие башни.

— Хороший маг может разрушить пушку раньше, чем она сделает первый выстрел. А если маг слабый — то хороший воин доберётся до расчёта. Пушки оказались слишком дорогими. Слишком уязвимыми. Слишком зависимыми от защиты. Он пожал плечами.

— Поэтому мастера пошли другим путём. Камень. Инженерия. Защитные руны. Лабиринты проходов. Внутренние дворы. Подземные склады. Замки стали сложнее. Не выше. Умнее. Я снова посмотрел на стены. Теперь видел другое. Не камень. Расчёт. Каждый выступ. Каждая башня. Каждый поворот. Всё имело смысл.

— Их строили люди, которые ожидали поражения. Солдат удивлённо посмотрел.

— Почему?

— Потому что тот, кто уверен в победе, строит красиво. А тот, кто знает цену смерти... строит так, чтобы пережить следующий день. Некоторое время он молчал. Потом тихо сказал:

— В замке тебе будет трудно.

— Почему?

— Потому что там таких мыслей слишком много. Он кивнул вперёд.

— Там люди не спрашивают, можешь ли ты победить. Они спрашивают: сколько времени ты продержишься после того, как всё пойдёт не так. Когда ворота открылись, я впервые увидел место, которое должно было стать моим новым домом. За внешней стеной находилась ещё одна. За ней — третья. Между ними двигались солдаты. Мастера. Лекари. Маги. Инженеры. Это был не просто военный лагерь. Это был город, построенный вокруг одной идеи. Выжить. Впереди шёл человек с книгой. Он остановился у ворот. Один из стражников поклонился. Без страха. Без раболепия. Просто с уважением.

— Господин. Он кивнул в ответ. И только тогда я понял. В этом месте его не боялись так, как на дороге. Здесь его знали. А это было гораздо опаснее. Внутри стены оказались ещё выше, чем казались снаружи. Улицы между укреплениями были узкими, вымощенными плоским серым камнем. Дома стояли вплотную к стенам — двух- и трёхэтажные, с толстыми стенами и маленькими окнами. Крыши были покрыты тёмной черепицей, местами уже поросшей мхом. На углах зданий снова встречались небольшие каменные пагоды с загнутыми краями — те же сторожевые башенки, что я видел на галереях. Воздух здесь пах иначе. Дымом кузниц. Сырым камнем. Конской попоной. Слабым запахом трав и

чего-то металлического. Люди смотрели на наш отряд коротко и без любопытства. Здесь редко удивлялись приезжим. Здесь удивлялись только тем, кто возвращался. Меня сняли с телеги осторожно. Голова всё ещё раскалывалась. Каждый шаг отдавался тупой болью в виске. Крейван коротко бросил несколько приказов. Солдаты разошлись. Первый остался рядом. Меня провели через внутренние ворота, мимо тренировочного двора, где несколько человек отрабатывали удары на деревянных столбах, и дальше — в низкое каменное здание с узкими окнами. Лечебница. Внутри пахло спиртом, сухой кровью и чем-то горьким. На стенах висели связки трав. На длинном столе лежали инструменты — ножи, крючки, иглы, металлические зажимы. Всё чистое. Всё на своих местах. Старый лекарь коротко осмотрел мой висок, пробормотал что-то себе под нос и указал на узкую койку у стены.

— Лежи. Не умирай до утра. Остальное разберёмся. Я лёг. Камень Макаша лежал у меня под рубахой. Тёплый. Тяжёлый. За узким окном уже темнело. Где-то далеко стучал молот. Где-то кричали команды на тренировочном дворе. Где-то скрипели ворота. Замок жил. А я лежал и слушал, как он дышит. Впервые за долгое время мне не нужно было ползти. Но я уже понимал: здесь тоже придётся выживать. Только иначе.

Глава 5

Первые стены

Утром я проснулся от боли. Висок пульсировал глухо и тяжело. Каждый удар сердца отдавался в черепе тупым эхом. Я лежал неподвижно, слушая, как за узким окном просыпается замок. Сначала — далёкий стук молотов. Потом — голоса. Короткие команды. Скрип ворот. Шаги по камню. Замок не спал по-настоящему. Он лишь немного затихал ночью. Лекарь появился без стука. Старый, сухой, с руками, покрытыми мелкими шрамами. Он коротко осмотрел мой висок, пощупал зрачки, кивнул самому себе.

— Жить будешь. Голова крепкая. Вставай. Здесь лежащих долго не держат. Мне дали простую одежду: грубая рубаха, тёмные штаны, тяжёлые ботинки. Всё чужое. Всё пахло чужим мылом и дымом. Под рубахой было пусто. Камень Макаша забрал Крейван ещё тогда, на дороге. Я это помнил. И пока ничего с этим сделать не мог. Меня вывели во внутренний двор. Утро было серым. Низкие облака цеплялись за вершины башен. Камень под ногами ещё хранил ночной холод. Двор был большим, прямоугольным, окружённым высокими стенами. В одном конце стояли деревянные столбы для тренировок — изрезанные, тёмные от старых ударов. В другом — навесы, под которыми чистили оружие и чинили сбрую. Между ними ходили люди. Не торопясь. Каждый знал, куда идёт. Крейван появился через несколько минут. Без свиты. Просто вышел из низкой арки и сразу направился ко мне. Он остановился в двух шагах.

— Имя. Я поднял взгляд.

— Люциан. Он кивнул, будто просто зафиксировал факт.

— С этого дня ты здесь. Не гость. Не пленник. Рекрут. Пока что. Он говорил спокойно, без повышения голоса. Но каждое слово ложилось тяжело.

— Будешь жить в общем бараке. Есть — вместе со всеми. Тренироваться — вместе со всеми. Никаких особых условий. Понял?

— Понял.

— Хорошо. Он чуть повернул голову, глядя на тренировочные столбы.

— Здесь не учат красиво умирать. Здесь учат возвращаться. Если сможешь — останешься. Если нет — место быстро займут другие. Он ушёл так же просто, как появился. Барак оказался длинным каменным помещением с низким потолком и узкими окнами под самым верхом. Внутри пахло потом, сырым деревом и старым дымом. Вдоль стен стояли двухъярусные нары. У каждой — небольшой сундук. Мне указали на место у дальнего угла. Нижний ярус. Сосед сверху молча кивнул и отвернулся. Вещей у меня почти не было. Только то, в чём я пришёл. Я сел на жёсткую доску и впервые за долгое время просто смотрел перед собой. Стены. Камень. Чужие люди. Чужой порядок. Но потолок не давил. И голос в темноте больше не звучал. Тренировки начались на следующий день. Не с оружия. С тела. Бег по каменному двору. Подъёмы по крутым лестницам на стены и обратно. Пере-

носка тяжёлых мешков с песком. Упражнения на равновесие на узких бревнах, подвешенных над мелким рвом. Никто не кричал. Никто не подгонял. Просто давали задание и ждали результата. Кто падал — поднимался сам. Кто не мог — оставался лежать, пока не находил силы встать. Я падал. Несколько раз. Голова кружилась. Висок ныл. Но каждый раз поднимался. К вечеру мышцы тряслись так, что трудно было удержать миску с похлёбкой. Еда была простой: густая каша, кусок жёсткого мяса, хлеб, вода. Никто не разговаривал за столом. Ели быстро и молча. После ужина я вышел во двор. Сел у стены и прислонился затылком к холодному камню. Над головой горели редкие факелы. Их свет выхватывал куски стены, зубцы, тёмные проёмы бойниц. Дальше начиналась ночь — плотная, тяжёлая, пахнувшая дымом и влажным камнем. Я коснулся груди. Там, где раньше лежал камень, теперь было пусто.

— Пока, — тихо сказал я в темноту. — Я здесь. Ответа, разумеется, не было. В следующие дни я начал замечать больше. Люди здесь были разными. Одни — молодые, ещё с живыми глазами. Другие — с лицами, на которых уже почти ничего не читалось. Были те, кто шутил тихо, почти беззвучно. Были те, кто вообще не говорил лишнего. Всех объединяло одно: они умели ждать. И умели выполнять. Я видел, как на тренировочном дворе отрабатывали не красивые связки, а короткие, грязные приёмы — удары в горло, в колено, в пах, способы быстро поднять человека с земли и так же

быстро положить. Здесь не готовили героев. Здесь готовили тех, кто должен вернуться. Иногда я ловил на себе взгляды. Короткие. Оценивающие. Особенно после того, как один из инструкторов заметил, как я автоматически поправил неправильно наложенную повязку у раненого рекрута. Он ничего не сказал. Только задержал взгляд на несколько секунд дольше обычного. Вечером того же дня ко мне подошёл Первый. Он остановился рядом, не садясь.

— Тебя видели.

— Знаю.

— Хорошо. Здесь это не наказывают. Пока. Он помолчал.

— Крейван сказал: если хочешь лечить — будешь лечить.

Но сначала научись не умирать сам. Я кивнул. Первый чуть наклонил голову.

— И ещё. То, что у тебя забрали... пока не спрашивай.

Когда нужно будет — вернут. Я поднял глаза.

— Ты знаешь?

— Я вижу больше, чем большинство. И слышу тоже. Он ушёл, не дожидаясь ответа. Я остался сидеть у стены и смотрел, как факелы медленно догорают. Впервые за много дней я подумал не о прошлом. А о том, сколько ещё стен мне предстоит пройти внутри этих стен.

Глава 6

Чужие руки

Недели шли ровно. Утро начиналось одинаково: подъём

до рассвета, холодный двор, бег, лестницы, мешки с песком. Потом — оружие. Сначала деревянные мечи. Потом — настоящие, но тяжёлые и тупые. Удары. Блоки. Падения. Подъёмы. Я учился быстро. Не потому что хотел стать воином. А потому что тело запоминало. Каждое движение, каждый сбой дыхания, каждый момент, когда можно было избежать удара. Инструкторы замечали. Не хвалили. Просто ставили напротив более сильных. Настоящая работа началась случайно. Во время одной из тренировок молодой рекрут неудачно повернулся и получил удар древком копья по предплечью. Хруст был слышен даже через двор. Он упал, схватившись за руку, и сразу побледнел. Кость была сломана. Открытый перелом. Край кости прорвал кожу. Кровь шла ровно, но сильно. Инструктор коротко махнул рукой:

— В лечебницу. Двое потащили его. Я пошёл следом. Никто не остановил. В лечебнице старый лекарь только взглянул на рану и буркнул:

— Снова. Держите. Он уже тянулся за шиной, когда я тихо сказал:

— Можно я. Лекарь поднял глаза. Долго смотрел. Потом молча отошёл в сторону. Я опустился на колени рядом с раненым. Руки действовали сами. Сначала — остановить кровь. Потом — правильно совместить отломки. Потом — зафиксировать так, чтобы кость не сместилась снова. Я работал быстро, но без спешки. Каждое движение было точным. Раненый шипел сквозь зубы, но не кричал. Когда я закончил,

лекарь подошёл ближе и долго разглядывал повязку.

— Кто учил? Я пожал плечами.

— Разные люди. Он хмыкнул.

— Завтра придёшь сюда после тренировок. Будешь помогать. Пока не скажу иначе. Это не было просьбой. С того дня моя жизнь разделилась на две части. Утром и днём — двор, оружие, пот, падения. Вечером — лечебница. Здесь пахло иначе. Горькими травами, спиртом, кровью, иногда гнилью. На столах лежали инструменты, которые большинство рекрутов предпочитали не замечать. Ножи разных форм. Крючки. Иглы. Металлические зажимы. Банки с мутной жидкостью. Люди сюда попадали разные. Кто-то с тренировок. Кто-то с патрулей. Кто-то — после ночных «разборок», о которых никто не говорил вслух. Я учился молчать и работать. Однажды принесли человека с глубокой рваной раной на боку. Края были неровные, вывернутые. Удар наносили не клинком — чем-то тяжёлым и с зазубринами. Мышцы были сильно повреждены. Кровь шла тёмная. Лекарь покачал головой.

— Если до утра дотянет — будет чудо. Я сел рядом и начал. Сначала очистил. Потом остановил кровотечение. Потом по крупницам собирал то, что ещё можно было спасти. Внутренним зрением я видел, где потоки ещё держались, а где уже рвались. Работа заняла почти всю ночь. К утру человек дышал. Слабо. Но дышал. Лекарь долго молчал, глядя на него. Потом коротко сказал:

— Завтра снова будешь здесь. Слухи ползли быстро. В бараке на меня стали смотреть иначе. Не дружелюбнее. Просто иначе. Кто-то отводил глаза. Кто-то, наоборот, смотрел слишком пристально. Один из старших рекрутов однажды бросил через весь стол:

— Лекарь из леса. Интересно, кого ты там ещё штопал. Я не ответил. Отвечать было незачем. Вечером того же дня ко мне снова подошёл Первый. Он сел рядом у стены, чего раньше почти не делал.

— Тебя заметили не только в лечебнице.

— Знаю.

— Крейван тоже знает. Я промолчал.

— Он пока не мешает. Но смотрит. А когда он смотрит — лучше не давать поводов. Первый чуть наклонил голову.

— И ещё. То, что у тебя забрали... он хранит. Не выбросил. Не продал. Просто держит. Я медленно кивнул.

— Значит, ещё не время.

— Значит, ещё не время. Он поднялся.

— Не торопись становиться слишком нужным. Здесь это бывает опасно. Я остался сидеть. Над двором горели факелы. Где-то внизу стучал молот. Где-то на стенах меняли караул. Я смотрел на свои руки. Чужие когда-то. Теперь — мои. И всё чаще они делали то, чему меня никто здесь не учил.

Глава 7

Ночной двор

К середине второго месяца меня уже знали в лечебнице лучше, чем в бараке. Старый лекарь почти не разговаривал. Он просто указывал на стол или на очередного раненого и отходил в сторону. Иногда кивал. Иногда молча протягивал нужный инструмент. Этого хватало. Я научился работать быстро. И тише. Большинство ран здесь были понятными: ушибы, порезы, вывихи, иногда стрела, иногда глубокий рубящий удар. Но иногда приносили другое. Однажды ночью, когда двор уже почти опустел, дверь лечебницы распахнулась. Двое солдат втащили человека. Он не кричал. Только хрипел. На боку у него была широкая рваная рана — не от клинка. Края неровные, вывернутые наружу, с кусками ткани одежды, вбитыми в мясо. Удар наносили с большой силой. Что-то тяжёлое, с зазубринами. Возможно, цепь. Возможно, зубья капкана. Кровь шла тёмная. Много. Лекарь только взглянул и коротко бросил:

— Твой. Я кивнул. Пока солдаты держали его, я разрезал остатки одежды. Рана была глубокой. Задеты мышцы. Край печени. Ещё немного — и человек умер бы ещё по дороге. Я работал почти до рассвета. Останавливал кровь. Собирал повреждённые ткани. Промывал. Фиксировал. Несколько раз внутренние потоки дрожали так сильно, что казалось — сейчас всё оборвётся. Но держалось. Когда я выпрямился, руки дрожали. На рассвете человек ещё дышал. Лекарь подошёл, долго смотрел, потом тихо сказал:

— Завтра не приходи на утреннюю тренировку. Спи. Это

было первое, что он сказал мне не по делу. К утру слухи уже гуляли по двору.

«Лесной снова кого-то вытащил.» «Говорят, печень была открыта.» «Крейван видел отчёт.» Я слышал обрывки, но не реагировал. В бараке на меня смотрели дольше обычного. Кто-то отворачивался. Кто-то, наоборот, искал взгляда. После обеда ко мне подошёл один из старших рекрутов. Высокий, с лицом, покрытым старыми мелкими шрамами. Он остановился слишком близко.

— Ты слишком хорошо умеешь то, чему здесь не учат. Я молчал.

— Откуда? Я пожал плечами.

— Из леса. Он усмехнулся без веселья.

— В лесу таких не бывает. Он чуть наклонился.

— Смотри, чтобы твои руки не стали слишком заметными. Здесь не любят тех, кто выделяется без спроса. Он ушёл, не дожидаясь ответа. Вечером я снова сидел у стены. Двор был почти пуст. Только редкие факелы и шаги караула на верхней галерее. Камень под спиной был холодным. Воздух пах дымом и сыростью. Я смотрел на свои ладони. Они стали твёрже. Грубее. Под ногтями почти всегда оставалась тёмная кайма — кровь, грязь, мазь. Когда-то этими руками я цеплялся за снег. Теперь ими я собирал чужие тела обратно. И чем чаще это делал, тем меньше удивлялся, что получается. Ближе к полуночи во двор вышел Крейван. Он шёл один. Без факела. Просто появился из тени арки и направился прямо

ко мне. Остановился в двух шагах. Посмотрел сверху вниз.

— Ты спасаешь тех, кого здесь уже записали в потери. Это не был вопрос. Я поднял голову.

— Если ещё можно — нужно. Он чуть прищурился.

— Нужно — кому? Я не сразу нашёл ответ.

— Им. Крейван молчал несколько секунд. Потом коротко кивнул.

— Пока этого достаточно. Он развернулся и ушёл так же тихо, как появился. Я остался сидеть. Впервые за долгое время мне показалось, что за этими стенами меня не просто терпят. Меня уже начинают считать.

Глава 8

Счёт

После того ночного разговора со мной почти перестали говорить напрямую. Не из страха. Скорее из осторожности. В замке быстро понимали, кого стоит обходить стороной, а кого — просто не трогать без нужды. Меня не трогали. Тренировки шли своим чередом. Я больше не был самым слабым. Удары стали точнее, дыхание — ровнее, падения — реже. Инструкторы ставили меня против тех, кто уже служил второй и третий год. Иногда я проигрывал. Иногда — нет. Но настоящая работа по-прежнему ждала меня вечером. В лечебнице стало тихо. Старый лекарь почти не вмешивался. Он лишь иногда останавливался за моей спиной и смотрел. Потом уходил, не сказав ни слова. Однажды я поймал его

взгляд

— тяжёлый, усталый, без злости. Просто взгляд человека, который слишком долго видел, как умирают. В тот вечер принесли сразу троих. Патруль нарвался на засаду за восточным лесом. Двое были тяжело ранены. Третий — почти труп. У первого — глубокий рубящий удар по плечу. Лопатка расколота. Кровь шла пульсирующая. У второго — несколько колотых ран в живот. Одна задела кишку. Запах уже стоял тяжёлый, сладковатый. Третий лежал тихо. Грудная клетка едва поднималась. На шее — широкий порез. Кто-то пытался перерезать горло, но чуть промахнулся. Артерия была задета, но не полностью. Я начал с него. Пальцы сами нашли нужную точку. Давление. Фиксация. Тонкая работа. Кровь замедлилась. Потом почти остановилась. Он хрипло втянул воздух и снова потерял сознание. Потом — живот. Долго. Грязно. Пришлось вычищать, сшивать, проверять каждый слой. Внутренние потоки дрожали, но держались. Плечо заняло меньше времени, но сил потребовало больше. Кость была раздроблена. Я собирал её почти вслепую, опираясь только на ощущение. Когда закончил, за окном уже серело. Лекарь стоял в дверях. Смотрел на троих, которые ещё дышали.

— Ты не спишь уже вторые сутки. Я молчал.

— Иди. Если упадёшь здесь — я тебя поднимать не буду. Это почти прозвучало как забота. В бараке меня ждали взгляды. Кто-то из младших кивнул. Кто-то отвернул-

ся. Старший рекрут, что предупреждал меня раньше, просто смотрел молча. В его глазах не было ни злости, ни одобрения. Только расчёт. Я лёг на нары и закрыл глаза. Сон пришёл сразу. Тяжёлый. Без снов. Разбудил меня крик. Не из барака. С двора. Я вышел вместе с другими. На тренировочной площадке стояло несколько человек. Между ними — двое. Один уже лежал на камнях. Второй стоял над ним с деревянным мечом в руке. Кровь на лице лежащего была настоящей. Инструктор появился почти сразу.

— Хватит. Стоящий не сразу опустил оружие. Потом всё-таки отступил. Лежащего подняли. Рассечённая бровь, разбитые губы, возможно — трещина в скуле. Его потащили в сторону лечебницы. Я уже сделал шаг следом, когда меня остановил голос.

— Нет. Крейван стоял у арки. Смотрел прямо на меня.

— Сегодня не ты. Я остановился.

— Почему? Он подошёл ближе. Говорил тихо, чтобы слышал только я.

— Потому что если ты будешь спасать каждого, кого здесь избивают, тебя начнут использовать. Или ненавидеть. Иногда это одно и то же. Я молчал.

— Ты уже слишком замечен. Не торопись становиться незаменимым. Он чуть наклонил голову.

— Иди спать. Завтра снова будет работа. Я развернулся и пошёл обратно в барак. За спиной слышал, как кого-то уводят. И как тихо, почти беззлбно, кто-то сказал:

— Лесной сегодня не пришёл. Значит, можно. Я не обернулся. Впервые за долгое время мне было не всё равно. И впервые я понял, что Крейван сказал правду. Здесь всё считали. Даже спасение.

Глава 9

Чужое место

После слов Крейвана я стал осторожнее. Не перестал лечить. Просто перестал бросаться на каждый крик. Иногда оставался в стороне. Иногда ждал, пока позовут. Это было труднее, чем казалось. В лечебнице работы меньше не становилось. Патрули возвращались с новыми ранами. Тренировки давали вывихи и переломы. Иногда приносили тех, кого находили за стенами — оборванных, избитых, с глазами, в которых уже почти ничего не оставалось. Я делал, что мог. И всё чаще замечал, что после моих рук люди поднимались чаще, чем после рук старого лекаря. Он это тоже видел. Однажды вечером, когда мы остались вдвоём, он вдруг сказал:

— Я здесь двадцать семь лет. Я поднял голову.

— За это время много кого хоронил. Мало кого возвращал. Он посмотрел на свои руки. Сухие. В шрамах.

— Ты возвращаешь. И это уже не остаётся незамеченным. Я молчал.

— Крейван приходил. Спрашивал про тебя. Я кивнул. Этого следовало ожидать.

— Он не сказал, зачем. Но смотрел так, будто уже решил.

Лекарь тяжело сел на край стола.

— Будь осторожен. Здесь любят полезных. Но ещё больше любят контролировать тех, кто слишком полезен. На следующий день меня вызвали не в лечебницу. В верхнюю часть замка. Туда, куда простым рекрутам ходить было не принято. Коридоры стали уже. Камень — светлее. На стенах появились старые гобелены, выцветшие, но всё ещё тяжёлые. Пахло воском и сухим деревом. Меня провели в небольшую комнату без окон. Только узкая бойница под потолком. В центре стоял тяжёлый стол. За ним — Крейван. Рядом с ним сидел человек, которого я раньше не видел. Седой, сухопарый, с очень спокойными глазами. На пальцах — несколько простых серебряных колец. Крейван кивнул на стул напротив.

— Садись. Я сел.

— Это мастер Эрен. Он отвечает за некоторых... особых людей в замке. Эрен слегка наклонил голову. Не улыбнулся.

— Говорят, ты хорошо работаешь руками. Я кивнул.

— Говорят также, что иногда делаешь то, чему тебя здесь не учили. Я промолчал. Крейван чуть подался вперёд.

— Нам не нужны чудеса. Нам нужны результаты. И люди, которые умеют возвращать тех, кого уже почти списали. Эрен смотрел на меня внимательно.

— Если ты останешься только рекрутом — тебя рано или поздно сломают. Или используют. Или и то, и другое. Он чуть наклонил голову.

— Есть другой путь. Тише. Ближе к тем, кто принимает

решения. И дальше от тех, кто любит бить в спину. Я смотрел на обоих.

— Что вы хотите? Крейван ответил спокойно:

— Чтобы ты работал. Но уже не только в общей лечебнице. И не только когда тебя позовут. Эрен добавил:

— Чтобы ты стал частью структуры. А не случайностью, которую пока терпят. В комнате стало тихо. Я чувствовал вес их взглядов. И понимал, что этот разговор — не предложение. Скорее — развилка. Остаться внизу. Среди рекрутов. Среди тех, кто считает каждый мой шаг. Или подняться выше. Туда, где решений больше, а свободы — меньше. Я медленно кивнул.

— Хорошо. Крейван чуть прищурился.

— Хорошо — что?

— Я буду работать. Там, где скажете. Эрен впервые почти улыбнулся. Очень слабо.

— Тогда добро пожаловать. Он не уточнил — куда именно. Но я уже понял. С этого дня моё место в замке изменилось. И обратно пути, скорее всего, уже не будет.

Глава 10

Цена возвращения

Крейван вызвал меня утром. Не в верхние коридоры. В одну из нижних комнат, где обычно держали тех, кого ещё не решили, что с ними делать. На низкой деревянной лежанке лежал человек. Я узнал его сразу. Тот самый рекрут. Ко-

торый подложил камень в мешок с овсом Ворона. Тот, над которым солдаты тогда тихо смеялись, а потом замолчали. Рук у него не было. Ног не было. Только туловище и голова. Культи давно зажили грубыми, стянутыми рубцами. Кожа местами была темнее — следы долгого пребывания на солнце. Глаза открыты. Ясные. Слишком ясные. Он дышал ровно. Смотрел в потолок. Не просил. Не стонал. Крейван стоял рядом, скрестив руки.

— Его зовут Деций. Я кивнул. Имя я уже слышал.

— Он сделал глупость. Почти убившую моего коня. Я мог бы просто прикончить его. Но оставил. Крейван посмотрел на культи.

— Оставил без рук и без ног. И некоторое время держал на солнце. Чтобы он и все остальные поняли цену. Он перевёл взгляд на меня.

— Теперь верни ему то, что забрали. В комнате стало тихо.

— Руки и ноги?

— Да. Я подошёл ближе. Осмотрел рубцы. Ткани были плотными, уже давно закрывшимися. Внутри — пустота. Никаких намёков на то, что когда-то там были кости и мышцы.

— Слишком много времени прошло.

— Знаю. Крейван не отводил глаз.

— Поэтому это и будет твоей задачей. Не тренировкой. Не помощью в лечебнице. Задачей. Я молчал.

— Ты умеешь возвращать. Я видел. Теперь докажи, что умеешь возвращать даже то, что уже почти забыто. Он развернулся к двери.

— Работай. Сколько потребуется. Никто тебе мешать не будет. И никто не будет помогать. Дверь закрылась. Я остался наедине с Децием. Тот медленно перевёл на меня взгляд. В глазах не было ненависти. Только усталое любопытство.

— Ты тот самый... лесной. Голос у него был хриплый, но спокойный.

— Да.

— И ты правда собираешься... Он не закончил. Просто чуть кивнул подбородком на свои культы. Я сел рядом.

— Попробую. Первые дни закончились ничем. Я работал часами. Слушал тело. Искал хоть какой-то отклик. Но ткани молчали. Слишком долго они были мёртвыми. Слишком глубоко ушла память о том, чем они когда-то были. Каждый раз одно и то же: сопротивление. Пустота. Отказ. Крейван иногда заходил. Молча смотрел. И уходил. Я не сдавался. Не потому что верил, что обязательно получится. А потому что другого пути уже не видел. На десятый день я почти остановился. Сидел у лежанки, глядя на свои руки. Они дрожали от усталости. И тогда вспомнил. Не боль. Не холод. А то странное ощущение на самой границе — когда пальцы уже не слушались, а жизнь ещё не ушла полностью. Тонкую плёнку. След. Отпечаток того, что тело ещё помнило себя живым. Я снова положил ладони на культы Деция. На этот раз не да-

вил. Не приказывал. Не пытался заставить. Я искал. Искал то, что ещё осталось. Часы тянулись. Солдаты за дверью иногда заглядывали и сразу уходили. Крейван пришёл ближе к ночи и остался стоять у стены. А потом тело вдруг отозвалось. Слабо. Неохотно. Но отозвалось. Я почувствовал, как под ладонями начинает собираться то, чего ещё мгновение назад не было. Не кости. Не мышцы. Сначала — только возможность. Потом

— форма. Потом — связь. Это было медленно. Тяжело. Болезненно для нас обоих. Деций задышал чаще. Глаза закатились. Но он не закричал. К рассвету на месте культей уже были новые конечности. Бледные. Слабые. Ещё не до конца оформленные. Но

— настоящие. Деций потерял сознание. Я сидел рядом, весь мокрый от пота, и смотрел на то, что только что сделал. Не радость. Не гордость. Страх. Потому что я понял: дверь, которую я только что открыл, закрыть уже будет очень трудно. Крейван подошёл ближе. Долго смотрел на спящего Деция. Потом на меня.

— Ты сделал невозможное. Я покачал головой.

— Я сделал только первый шаг. Крейван чуть кивнул.

— Именно. Он посмотрел на новые руки и ноги Деция.

— А дальше тебе придётся научиться жить с тем, что ты теперь можешь менять границу между потерей и возвращением. Он помолчал.

— И это иногда тяжелее любой битвы.

Глава 11

После возвращения

Деций не открывал глаза ещё двое суток. Он дышал. Слабо, но ровно. Новые руки и ноги лежали вдоль тела бледные, почти безжизненные. Кожа на них была тонкой, как у новорождённого. Иногда пальцы слегка подёргивались — будто тело ещё не до конца верило, что они снова его. Я почти не отходил. Спал урывками на жёстком стуле. Проверял пульс. Смотрел, как меняется цвет кожи. Слушал внутренние потоки — они были нестабильными, рваными, словно река, которая только начинает пробивать себе новое русло. Крейван заходил дважды в день. Молча смотрел. Иногда задавал один-два коротких вопроса и уходил. На третьи сутки Деций открыл глаза. Сначала он просто смотрел в потолок. Потом медленно перевёл взгляд на свои руки. Долго рассматривал пальцы. Согнул один. Потом другой. Лицо оставалось спокойным, почти пустым.

— Они... мои?

Голос был хриплым от долгого молчания.

— Да.

Он ещё раз сжал кулак. Слабо. Но сжал.

— Я чувствую их. Но они... чужие.

Я кивнул.

— Телу нужно время. Оно должно заново принять то, что потеряло.

Деций молчал долго. Потом тихо сказал:

— Я должен был умереть.

— Но не умер.

Он посмотрел на меня.

— Почему ты это сделал?

Я не сразу нашёл ответ.

— Потому что мог.

Деций чуть усмехнулся. Горько.

— Плохая причина.

— Зато честная.

Восстановление шло медленно. Сначала Деций не мог даже поднять руку выше груди. Потом научился держать кружку. Потом — вставать. Каждый шаг давался через боль и дрожь. Он падал. Поднимался. Снова падал. Я был рядом. Не из жалости. Просто потому что иначе нельзя было понять, правильно ли я всё сделал. К концу второй недели он уже ходил, опираясь на стену. Сила возвращалась быстрее, чем я ожидал. Слишком быстро. И появились странности. Он почти не уставал. Мог тренироваться дольше других. Раны, которые он случайно получал на тренировках, затягивались за сутки. А вот солнце... солнце ему вредило. Даже короткий выход во двор в ясный день оставлял на коже красные пятна, будто ожоги. Крейван заметил это раньше меня. Однажды вечером он пришёл, когда Деций уже спал.

— Ты видишь?

Я кивнул.

— Он не такой, каким был.

— Нет.

Крейван подошёл к окну и долго смотрел наружу.

— Ты не просто вернул ему конечности. Ты изменил его. Я молчал. Возражать было нечем.

— Хорошо это или плохо — пока рано говорить. Но теперь он наш. И ты за него отвечаешь.

Он повернулся.

— Завтра начнёшь записывать всё. Каждое изменение. Каждую странность. Ничего не упускай.

Я кивнул. Крейван уже направлялся к двери, когда остановился.

— И ещё. Он будет служить тебе. Не мне. Тебе.

Я поднял глаза.

— Почему?

— Потому что ты вернул ему жизнь. А такие долги не забываются.

Он ушёл. Я остался сидеть рядом со спящим Децием и смотрел на его новые руки. Впервые за долгое время мне было по-настоящему страшно. Не за него. За то, что я теперь мог делать.

Глава 12

Книги и иглы

Через несколько дней после того, как Деций впервые встал на ноги, Крейван снова пришёл. В руках у него была

стопка тяжёлых книг. Переплёты тёмные, без названий на корешках. Только тонкие метки, понятные лишь тому, кто их ставил. Он положил книги на стол.

— Бери.

Я подошёл ближе.

— Что это?

— Ответы, которых у тебя пока нет.

Крейван посмотрел серьёзно.

— Не повреди ни одной страницы. Эти книги стоят дороже этого замка. Возможно, дороже многих жизней.

Я осторожно открыл первую. Внутри были схемы. Чертежи. Знаки. Описания структур, которые обычный человек даже не смог бы понять. Начертательная геометрия. Рунные построения. Потоки силы в подпространстве. Основы нанесения знаков на живую плоть. Я поднял глаза.

— Зачем мне это?

— Ты вернул тело. Теперь учись понимать связь. Между тем, что было, и тем, что осталось.

Крейван уже направлялся к двери.

— Книги будешь брать у старшего караула. По одной. И возвращать. Особенно ночью. Такие знания без охраны не оставляют.

Дверь закрылась. С этого дня моя жизнь снова разделилась. Утром — строй, тренировки, оружие. Я по-прежнему падал и поднимался вместе со всеми. Никаких поблажек. А после — книги. Я читал до тех пор, пока глаза не начи-

нали болеть. Чертил схемы на песке во дворе, потом стирал. Запоминал. Проверял. Ошибался. Начинал снова. Деций часто сидел рядом. Молча. Иногда задавал короткие вопросы. Иногда просто смотрел, как я работаю. Он менялся. Сила прибывала. Движения становились точнее. Он учился быстрее, чем любой рекрут, которого я видел. Но солнце по-прежнему жгло его кожу. Даже через ткань. Однажды вечером я сказал:

— Мне нужны иглы.

Старший караул нахмурился.

— Какие?

— Для нанесения знаков на кожу.

Несколько человек переглянулись.

— Крейван разрешал?

Я посмотрел спокойно.

— Он дал мне книги.

Этого оказалось достаточно. Работа заняла почти неделю. Я наносил знаки медленно. Точно. Каждый завиток, каждая линия имели значение. Это были не украшения. Это были схемы. Связи. Пути, по которым сила могла двигаться правильно. Деций лежал неподвижно. Только иногда тихо шипел, когда игла проходила слишком глубоко. Когда я закончил, его тело покрывали сложные узоры. От плеч до запястий. От бёдер до щиколоток. Математика, превращённая в плоть. Крейван вернулся на следующий день. Он вошёл, остановился и долго смотрел.

— Объясни.

Я встал.

— Тело не нужно заставлять жить. Ему нужно напомнить, как это делать.

Крейван подошёл ближе. Осмотрел знаки. Потом посмотрел на Деция, который уже стоял ровно, без поддержки. Деций был другим. Сильнее. Быстрее. Разум ясный. Он понимал приказы с полуслова. Запоминал. Анализировал. Стал почти идеальным солдатом. Но странности остались. Солнце по-прежнему вредило. Зато во всём остальном он был... больше, чем раньше. Крейван молчал долго. Потом тихо сказал:

— Ты понимаешь, что сделал?

Я смотрел на свои руки.

— Нет. Не до конца.

Крейван кивнул.

— Хорошо. Значит, ещё не потерял осторожность.

Он повернулся к выходу.

— Продолжай записи. Теперь особенно.

Когда он ушёл, Деций тихо произнёс:

— Я чувствую себя целым. Впервые за долгое время.

Я посмотрел на него.

— Это хорошо.

Но внутри всё сжалось. Потому что я уже начинал понимать: я не просто вернул ему то, что отняли. Я сделал из него нечто новое. И теперь это новое смотрело на меня и ждало

следующего шага.

Глава 13

Цена слуха

Слух расползся быстро. Сначала тихо. Один рекрут сказал лишнее за ужином. Другой пересказал уже с подробностями. К утру несколько человек знали: мальчик получает книги, которые охраняют строже, чем оружие. Этого оказалось достаточно. Крейван узнал раньше, чем слух успел дойти до середины казарм. Ночью из барака вышли несколько человек. Приказ был коротким. Имена. Никаких вопросов. К утру в строю стало пусто на несколько мест. Никто не спрашивал, куда делись. В армии Крейвана умели понимать молчание. Я заметил сразу. Сначала — отсутствие знакомых лиц. Потом — взгляды. Потом — как разговоры обрываются, когда я прохожу мимо. Я не спрашивал. Не потому что не хотел знать. А потому что уже знал. В тот день я пришёл за очередной книгой. Караул стоял на месте. Замок на сундуке был закрыт. Всё выглядело как всегда. Только теперь я понял: эти книги охраняют не только от врагов. Вечером я встретил Крейвана в коридоре. Он просматривал карты и даже не поднял головы.

— Что?

Я остановился.

— Ничего.

Пауза.

— Я понял.

Крейван перевернул страницу.

— Хорошо.

Больше ничего сказано не было. На следующий день всё шло как обычно. Тренировки. Книги. Работа. Будто ничего не произошло. Но я смотрел на замок иначе. Крейван был страшен не потому, что мог наказать. Таких людей хватало. Он был страшен потому, что принимал решения, после которых мир вокруг просто продолжал двигаться дальше. Без лишних слов. Без объяснений. Без права на ошибку. Деций поймал мой взгляд за ужином. Он сидел напротив, спокойно ел, и только когда остальные отвлеклись, тихо сказал:

— Они говорили слишком громко.

Я кивнул.

— Теперь будут молчать.

Деций чуть наклонил голову.

— А ты?

— Я и раньше молчал.

Он почти улыбнулся.

— Хорошо. Значит, проживёшь дольше.

Я посмотрел на его руки. На знаки, которые сам нанёс. На то, как легко он теперь держал кружку, как уверенно двигался. И впервые подумал, что молчание — это тоже способ защищать не только себя. Но и то, что я создал. Ночью я сидел у окна в комнате, где хранились книги. Караул стоял снаружи. Внутри горела одна лампа. На столе лежала раскрытая

страница со сложными схемами. Я смотрел на линии и думал о тех, кого утром не оказалось в строю. Они сказали слишком много. А я пока говорил слишком мало. И не знал, что из этого опаснее.

Глава 14

Мир за стенами

Ворота закрылись за нами без торжественных слов. Никто не провожал. Никто не желал удачи. В армии Крейвана такие вещи были лишними. Те, кто уходил, знали зачем. Те, кто оставался, знали, что однажды могут уйти следующими. Десяток двигался быстро. Без лишнего груза. Без шума больших отрядов. Каждый нёс только то, что мог использовать. Я шёл молча. Не от страха. Я смотрел. До этого мир существовал для меня в книгах, в рассказах, в схемах на страницах. Теперь он был перед глазами. Настоящий. С запахом дыма от деревень. С грязью на дорогах. С людьми, которые смотрели на солдат не как на защитников, а как на возможную беду. Первый город удивил. Не размером. Различием. На одной улице стояли дома с резными фасадами, где жили купцы и чиновники. В другой дети босиком бегали по грязи между покосившимися домами. В лавках лежали товары из далёких земель. Но большинство людей не могли прочитать даже простую запись о налогах. Я остановился возле старика, который спорил с чиновником.

— Здесь написано другое.

Чиновник усмехнулся.

— Ты умеешь читать?

Старик замолчал. Этого оказалось достаточно. Чиновник ткнул пальцем в бумагу.

— Подпись ставь.

Я прошёл мимо. Но запомнил. Вечером спросил одного из солдат:

— Много людей умеют читать?

Тот пожал плечами.

— Кто родился там, где есть школа.

— А остальные?

— Остальные работают.

Ответ был простым. Без злости. Без удивления. Для него это было обычным. Я посмотрел на свои руки. Этими руками я держал книги, которые стоили больше, чем дома многих людей. Не потому что бумага была дорогой. А потому что знания внутри были редкими. Через несколько дней мы остановились у старой крепости. Она была построена ещё до современных укреплений. Высокие стены. Толстые башни. Внешние кольца обороны. Каждый проход рассчитан так, чтобы противник терял людей ещё до главных ворот. Я долго смотрел.

— Красиво?

Спросил один из солдат. Я покачал головой.

— Нет.

— Тогда что?

— Правильно.

Солдат усмехнулся.

— Это ответ строителя.

Крейван услышал. Ничего не сказал. Только посмотрел на крепость так, будто видел не камень, а расчёт: пути снабжения, углы обстрела, места для засад, возможность удерживать регион. Так смотрели люди, которые думали не днями. А годами. В дороге я продолжал изучать то, что имел. Книг с собой не было. Только память. Записи, которые мне разрешили сделать. Собственные наблюдения. Людей. Животных. Раны. Болезни. Я начал понимать одну вещь: настоящие знания не лежали только в книгах. Они были вокруг. Но без книг большинство людей даже не знали, что искать. Однажды вечером один из солдат спросил:

— Ты правда думаешь, что можно понять всё тело?

Я посмотрел на огонь.

— Нет.

— Тогда зачем пытаешься?

Я долго молчал.

— Потому что кто-то должен.

Солдат пожал плечами. Спорить не стал. На десятый день пути пришёл первый настоящий приказ. Не учебный. Не проверка. Впереди был район, где исчезали патрули. Где деревни переставали отвечать. Где дороги становились опасными. Крейван собрал десяток. Коротко объяснил задачу. Без речей. Без обещаний.

— Проверяем. Уничтожаем угрозу. Возвращаемся.

Все кивнули. Я впервые почувствовал то, чего не было в замке. Не страх. Ожидание. Потому что до этого я изучал смерть. Теперь смерть изучала меня.

Глава 15

Первая кровь за стенами

Район встретил нас тишиной. Не той спокойной тишиной леса. Другой. Тяжёлой. Словно звук здесь специально приглушили. Деревни стояли на своих местах. Дым из труб не шёл. Двери некоторых домов были открыты. Во дворах валялись опрокинутые вёдра, разбросанный хворост, детская деревянная игрушка, наполовину утонувшая в грязи. Людей не было. Крейван поднял руку. Отряд остановился. Он долго смотрел на ближайший дом. Потом тихо сказал:

— Проверяем по двое. Без шума.

Я пошёл с Децием. Внутри первого дома пахло затхлостью и чем-то сладковатым. На столе стояла миска с кашей — уже засохшей. Ложка лежала рядом. Кто-то начал есть и не закончил. Во второй комнате мы нашли тело. Женщина. Лет сорока. Сидела, прислонённая к стене. Глаза открыты. На шее — глубокий рваный след. Не нож. Не меч. Что-то с зазубринами. Края раны были неровными, вывернутыми наружу. Кровь давно высохла тёмной коркой. Деций тихо выдохнул.

— Не свежая.

Я кивнул. Потоки жизни здесь уже давно угасли. Остался только слабый, грязный след боли. В следующих домах было похоже. Кто-то умер быстро. Кому-то пытались перерезать горло, но промахнулись, и человек истёк кровью медленнее. В одном сарае мы нашли мужчину с раскroенным животом. Внутренности частично вытащены. Не ради еды. Словно искали что-то. Или просто наслаждались. Крейван собрал всех во дворе.

— Это не звери.

Никто не спорил.

— Слишком аккуратно для голодных тварей. И слишком грязно для солдат.

Он посмотрел на следы у края деревни. Часть вела в лес. Часть — обратно на дорогу.

— Двигаемся дальше. Осторожно.

Ближе к вечеру мы нашли ещё одну деревню. Здесь было свежее. Дым ещё поднимался из одного дома. В воздухе стоял запах горелого мяса и крови. Крейван снова разделил отряд. Я остался с ним и Децием. Мы вошли в дом последними. В главной комнате лежали трое. Двое мужчин и подросток. Все мертвы. Раны были разными: рубящие, колотые, рваные. Кто-то дрался. Кто-то пытался закрыть собой другого. В углу сидела живая. Девочка лет десяти. Грязная. В крови. Глаза огромные, пустые. Она даже не вздрогнула, когда мы вошли. Я медленно опустился на корточки.

— Как тебя зовут?

Она молчала. Я протянул руку. Не трогая. Просто показал, что пуста.

— Я не сделаю тебе больно.

Она смотрела на мою ладонь. Потом медленно подняла глаза. И тогда я увидел. На её шее, под слоем грязи и крови, был свежий укус. Не глубокий. Но характерный. Следы зубов. Слишком широкие для человека. Слишком аккуратные для зверя. Я замер. Внутренним зрением увидел крошечные точки. Те самые. Уже двигались под кожей. Медленно. Уверенно. Крейван стоял за моей спиной.

— Что?

Я не сразу ответил.

— Она укушена.

Тишина.

— Как те.

Крейван медленно выдохнул.

— Значит, оно уже здесь.

Девочка наконец подала голос. Совсем тихо:

— Они... приходили ночью. Говорили, что заберут только плохих. Но забрали всех.

Я посмотрел на Крейвана. Тот смотрел на ребёнка так, будто уже считал варианты. И ни один из них не был простым.

— Забираем её.

Это не было вопросом. Я кивнул. Потому что теперь знал точно: то, что я создал в замке, уже не единственное. Что-то

похожее ходило по этому лесу. И оно оставляло после себя не только трупы. Оно оставляло изменённых.

Глава 16

Первый вставший

Приказ пришёл ночью. Не от Крейвана лично. Через старших. Короткий. Без объяснений.

— Деция убрать. Тихо. До рассвета.

Первый принял приказ без вопросов. Взял троих. Надёжных. Тех, кто умел делать такую работу и потом молчать. Деций в это время сидел у края лагеря. Один. Смотрел в темноту. Знаки на его руках слабо светились в лунном свете — тонкие линии, которые Люциан когда-то нанёс с такой осторожностью. Он не обернулся, когда они подошли.

— Значит, всё-таки.

Голос был спокойным. Первый остановился в нескольких шагах.

— Приказ.

Деций чуть кивнул.

— Я понимал, что так будет.

Он медленно встал. Руки опустил вдоль тела. Не сопротивлялся. Удар пришёл быстро. Точный. В сердце. Потом ещё два — чтобы наверняка. Деций упал на колени. Потом на бок. Кровь темнела на земле. Глаза ещё некоторое время смотрели в небо. Потом закрылись. Первый наклонился. Проверил пульс. Кивнул остальным.

— Готово. Закопаем за лагерем.

Они уже взялись за тело, когда один из солдат тихо выругался.

— Он...

Деций открыл глаза. Не так, как открывают живые. Медленнее. Пустее. А потом — резко. Он двигался слишком быстро. Первый не успел полностью вытащить клинок. Деций уже был на ногах. Удар ладонью в горло. Хруст. Первый упал, хрипя, глаза расширены от шока. Остальные трое пытались среагировать. Слишком поздно. Деций не дрался как человек. Не защищался. Не отступал. Он просто убивал. Ломал. Рвал. Каждый удар был тяжёлым, точным и без жалости. Один солдат успел крикнуть. Коротко. Потом захлебнулся собственной кровью. Второй попытался бежать. Деций догнал его за несколько шагов и свернул шею одним движением. Третий успел ранить его — клинок вошёл под рёбра. Деций даже не посмотрел. Вытащил оружие из своего тела и вонзил его хозяину в глаз. Первый ещё хрипел на земле, когда Деций вернулся к нему. Он сел на корточки. Смотрел в лицо человека, который принёс приказ.

— Ты был первым, кого я уважал здесь.

Голос звучал глухо. Чуть иначе, чем раньше.

— Жаль.

Он добил его быстро. Без лишней жестокости. Просто закончил. Потом сел рядом с телами и долго молчал. Кровь на его руках уже не текла так, как должна была. Рана под рёбра-

ми почти не кровоточила. Тело работало иначе. Он посмотрел на знаки, которые когда-то нанёс Люциан. Они слабо пульсировали. Деций поднялся. Лагерь ещё спал. Караул стоял слишком далеко, чтобы сразу заметить. Он мог вернуться. Мог попытаться объяснить. Мог искать Люциана. Вместо этого он развернулся и ушёл в лес. Медленно. Уверенно. Не оглядываясь. Тела остались лежать в траве. Первый лежал неподвижно. Горло было раздавлено. Глаза открыты. Пустые. Прошло немного времени. Сначала пальцы дрогнули. Потом грудная клетка чуть поднялась — не от дыхания. От чего-то другого. Первый открыл глаза. Не так, как Деций. Быстрее. Жёстче. Взгляд сразу стал ясным. Осознанным. Он сел. Кости в шее хрустнули, возвращаясь на место. Мышцы стянулись. Рана на горле начала закрываться — медленно, но заметно. Не так, как заживают обычные раны. Иначе. Он поднялся на ноги. Тело слушалось идеально. Лучше, чем при жизни. Каждый сустав, каждая мышца отзывались мгновенно. Годы тренировок, сотни боёв, десятки ран, которые он когда-то получал и залечивал — всё это теперь работало иначе. Сильнее. Точнее. Без усталости. Он посмотрел на свои руки. Потом на тела троих солдат. Потом в сторону леса, куда ушёл Деций. На лице не было ярости. Только холодное понимание. Он стал похож на Деция. Но не таким же. Деций был новым. Только вставшим. Ещё не знающим пределов своего тела. Первый знал. Годы изменений. Усиления. Тренировок до предела. Боевой опыт, который невозможно

купить. Всё это теперь соединилось с тем, что пришло после смерти. Он стал чем-то, чего раньше не существовало. Опаснее Деция. Намного. Первый медленно повернул голову в сторону лагеря. Потом снова в лес. Выбрал лес. И пошёл следом. Бесшумно. Как человек, который уже не обязан никому подчиняться. И который теперь опаснее почти всего, что можно встретить в этом лесу. К утру нашли только три тела. Первого среди них не было. Деция — тоже. Следы вели в чащу. Двое. И оба уже не были теми, кем были раньше.

Глава 17

Три тела

Утром нашли только троих. Они лежали в траве за краем лагеря. Горло одного было раздавлено. У второго свёрнута шея. У третьего клинок торчал из глазницы. Кровь уже подсохла. Мухи только начинали собираться. Первого среди них не было. Деция — тоже. Крейван стоял над телами и молчал дольше обычного. Я стоял чуть позади. Смотрел на следы. Их было двое. Одни вели прямо в чащу. Вторые — чуть в стороне, но тоже в лес. Свежие. Уверенные. Один из солдат тихо сказал:

— Может, Первого утащили.

Крейван даже не посмотрел на него.

— Нет.

Он наклонился. Осмотрел землю возле того места, где, судя по крови, упал Первый.

— Здесь он поднялся.

Тишина стала плотной. Я чувствовал это внутренним зрением. Следы. Не обычные. Там, где должна была остаться только смерть, осталось что-то ещё. Два отпечатка. Разные. Один — знакомый. Тот, что я сам когда-то вернул и изменил. Второй — жёстче. Плотнее. Словно тот, кто поднялся, уже умел быть опасным при жизни.

— Деций встал.

Я сказал это тихо. Крейван кивнул.

— И Первый.

Он выпрямился.

— Тот, кого ты вернул, ушёл первым. Тот, кого убили следом, пошёл за ним. Оба уже не люди.

Солдаты переглянулись. Никто не задал лишних вопросов. Крейван посмотрел на меня.

— Ты отвечаешь за Деция. За то, чем он стал. Теперь ещё и за то, что из-за него встал Первый.

Я молчал. Возражать было нечем.

— Будем искать?

Спросил один из старших. Крейван покачал головой.

— Нет. Лес большой. А у нас есть деревня, которую нужно проверить. Если они захотят найти нас — найдут. Если нет — тем лучше.

Он посмотрел в сторону севера.

— Собираемся. Идём.

Отряд снялся с лагеря быстро. Тела закопали без лишних

слов. Никто не произнёс имён. Я шёл в середине колонны и чувствовал, как внутри всё сжалось. Деций. Тот, кому я вернул руки и ноги. Тот, на чьё тело нанёс знаки. Тот, кто должен был служить мне. Теперь он в лесу. Вставший. И рядом с ним — Первый. Который при жизни был опаснее большинства. А теперь стал чем-то ещё. Крейван подошёл ко мне, когда мы уже шли по дороге. Говорил тихо, чтобы слышал только я.

— Ты открыл дверь. Теперь через неё начали проходить другие.

Я кивнул.

— Я знаю.

— Хорошо. Тогда не удивляйся, когда дверь перестанет закрываться.

Он ушёл вперёд. Я остался смотреть на спины солдат и на тёмную полосу леса слева от дороги. Там сейчас шли двое. И оба были моей ошибкой. Или моим продолжением. Я ещё не решил, что из этого страшнее.

Глава 18

Деревня

К северной деревне подошли ближе к полудню. Она стояла в небольшой низине, окружённая полями и редким лесом. Дома крепкие, крыши целые, дым шёл из нескольких труб. Снаружи всё выглядело обычным. Слишком обычным. Крейван остановил отряд на холме. Он долго смотрел вниз.

Потом тихо сказал:

— Двое остаются здесь. Остальные со мной. Без лишнего шума.

Мы спустились. Люди заметили нас сразу. Кто-то исчез в домах. Кто-то остался во дворах, делая вид, что занят работой. Женщины уводили детей. Мужчины собирались ближе к старосте — тому самому седому, которого мы видели на рынке. Староста вышел навстречу. Руки развёл в стороны. Улыбка была широкой и фальшивой.

— Господа воины. Чем обязаны?

Крейван не стал тратить время.

— Патрули. Последние месяцы. Пропадали рядом с вами чаще, чем в любом другом месте.

Улыбка старосты чуть дрогнула.

— Лес большой. Волки. Разбойники...

— Волки не жгут дома. Разбойники не оставляют тела с вывернутыми ранами.

Крейван сделал шаг ближе.

— Кто приходил к вам ночью?

Староста замолчал. За его спиной мужчины переглядывались. Кто-то уже положил руку на топор. Кто-то — на вилы. Я смотрел на их лица. Внутри видел потоки. Страх. Злость. И ещё что-то — вину. Не у всех. Но у многих. Крейван тоже это чувствовал. По-своему.

— Вы их кормили. Прятали. Или просто закрывали глаза. Староста сжал кулаки.

— Мы выживали. Как все.

— За счёт чужих жизней.

Крейван повернул голову к нам.

— Окружить. Никого не выпускать.

Солдаты разошлись быстро. Без криков. Просто заняли позиции. В деревне поднялся шум. Женщины закричали. Кто-то попытался бежать к лесу — его остановили. Кто-то выхватил оружие. Короткий бой был грязным и быстрым. Несколько мужчин бросились вперёд с топорами и кольями. Их сбили за минуты. Один успел ранить нашего солдата в плечо — глубоко, до кости. Я уже двинулся к нему, но Крейван остановил взглядом.

— Потом.

Когда сопротивление стихло, оставшихся согнали на площадь. Женщины. Дети. Старики. Несколько мужчин, которые не успели или не захотели драться. Крейван стоял перед ними.

— Кто помогал тем, кто убивал патрули — шаг вперёд.

Никто не двинулся. Он ждал. Недолго.

— Тогда деревни больше нет.

Приказ прозвучал спокойно. Почти буднично. Солдаты начали работу. Я стоял и смотрел. Дома поджигали с подветренной стороны. Людей не резали всех сразу. Сначала вывели тех, кого Крейван счёл менее виновными — женщин с маленькими детьми, совсем старых. Их отослали по дороге с коротким приказом: идти и не возвращаться. Остальных...

Остальных не отпускали. Я видел, как один из солдат коротко спросил Крейвана, кивнув на подростков. Крейван покачал головой.

— Слишком большие. Уже понимают. Уже выбирали.

Огонь поднимался быстро. Крыши вспыхивали одна за другой. Запах горелого дерева и чего-то более тяжёлого повис над низиной. Я стоял в стороне и чувствовал, как внутри всё холодеет. Не от жалости. От понимания. Крейван не злился. Не наслаждался. Он просто убирал то, что, по его мнению, уже стало источником чужих смертей. Как хирург, который отрезает гниль. Только гнилью были люди. Когда последнее пламя поднялось над крышами, Крейван повернулся к отряду.

— Уходим. Дальше по маршруту.

Никто не спорил. Я последний раз посмотрел на горящую деревню. Потом пошёл за остальными. В голове всё ещё звучали его слова из прошлой ночи: «Ты открыл дверь.» А он в это время закрывал другие. Огнём.

Глава 19

Дым за спиной

Дым был виден ещё долго. Даже когда деревня скрылась за холмами, чёрный столб всё ещё стоял в небе. Ветер нёс запах гари. Никто в отряде не оборачивался. Шли молча. Я чувствовал взгляды. Не враждебные. Просто тяжёлые. Солдаты видели, что я смотрел на огонь дольше остальных. И

запоминали. Крейван шёл впереди. Спина ровная. Шаг ровный. Словно только что не стёр с земли целое поселение. К вечеру остановились у старого камня у развилки. Костры снова не жгли. Только сухой паёк и короткие смены караула. Я сел отдельно. Достал записи. Руки чуть дрожали, когда я пытался описать то, что видел. Не раны. Не огонь. А решение. То, как оно принималось. Без злости. Без сомнения. Один из солдат сел рядом. Тот, кого ранили в плечо в деревне. Повязка уже пропиталась, но он терпел.

— Посмотришь?

Я кивнул. Снял повязку. Рана была глубокой, до кости, края загрязнены. Начал чистить. Солдат шипел сквозь зубы, но молчал. Когда я закончил, коротко сказал:

— Спасибо.

Потом помолчал и добавил:

— Ты не первый, кто плохо спит после такого. Просто не показывай это Крейвану слишком явно.

Я посмотрел на него.

— Он и так знает.

Солдат чуть усмехнулся.

— Знает. Но ему всё равно, пока ты делаешь свою работу.

Он ушёл. Ночью я почти не спал. Лежал и слушал лес. Внутри всё ещё горел чужой огонь. И всё ещё стояли двое, которых мы не нашли. Ближе к середине ночи я почувствовал это. Слабо. Далеко. Но знакомо. След. Не один. Два. Один — тот, что я сам когда-то собрал заново. Второй —

жёстче, плотнее, будто за ним стояли годы боли и привычки убивать. Они были где-то в лесу. Не близко. Но и не так далеко, как хотелось бы. Я сел. Крейван уже стоял рядом. Смотрел в ту же сторону.

— Чувствуешь.

Это не был вопрос.

— Да.

— Оба.

— Оба.

Крейван молчал некоторое время.

— Пусть идут. Пока не лезут к нам — не трогаем. Нам ещё работать.

Он повернулся.

— А ты запоминай, как они ощущаются. Пригодится.

Он ушёл. Я остался сидеть и смотреть в темноту. Двое в лесу. Один — моя работа. Второй — то, что получилось из неё случайно. И оба теперь были свободны. А за спиной всё ещё тянулся запах дыма.

Глава 20

Двое из леса

Они вышли на дорогу сами. Без криков. Без нападения. Просто появились между деревьями, когда отряд спускался к реке. Деций шёл чуть впереди. Знаки на его руках и шее слабо светились даже днём. Движения были лёгкими, почти беззвучными. Глаза — спокойные. Первый держался на шаг

позади. Выше. Тяжелее. В нём чувствовалась сила, которую не скрывали. Одежда порвана, на шее ещё темнел след старой раны, но он двигался так, будто никогда не падал. Солдаты мгновенно подняли оружие.

— Стоять.

Отряд замер. Я смотрел на них и чувствовал сразу. Не только глазами. Внутренним зрением. Два следа, которые я уже знал. Но теперь они были близко. И между мной и ними тянулось что-то тонкое. Плотное. Не приказ. Не страх. Связь. Деций остановился в десяти шагах.

— Мы не за вами.

Голос звучал ровно. Чуть глуше, чем раньше. Первый чуть наклонил голову. Смотрел прямо на меня.

— За ним.

Крейван медленно перевёл взгляд с одного на другого.

— Объясняйте.

Деций ответил первым.

— Он вернул мне то, что отняли. Тело. Жизнь. Возможность стоять. Я ушёл, потому что меня пытались убить. Но я не ушёл от него.

Он кивнул в мою сторону.

— Я его.

Первый заговорил тише. Тяжелее.

— Меня убили, выполняя приказ. Я встал. Не потому что хотел. Просто встал. А когда открыл глаза — понял, кому обязан тем, что вообще могу это сделать.

Он посмотрел на Деция, потом снова на меня.

— Цепочка короткая. Он изменил одного. Через одного изменился я. Оба мы теперь слышим его. Чувствуем. Как будто часть того, что он сделал, осталась внутри.

Я стоял и слушал. И понимал. Не только по словам. По тому, как они держались. Не нападали. Не огрызались. Смотрели на меня так, будто ждали не приказа — а признания. По тому, как внутренние потоки тянулись ко мне, а не к Крейвану. По тому, как Первый, который при жизни подчинялся только силе и расчёту, сейчас стоял и говорил «ему». Они были преданы. Не армии. Не замку. Не Крейвану. Мне. Крейван это тоже видел. Я заметил, как у него чуть напряглась челюсть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.